

✎ ЭДМУНД ✎ КРИСПИН

Эдмунд Криспин — псевдоним, под которым писал детективы английский композитор Роберт Брюс Монтгомери (1921—1978). Он создал лишь девять романов и два сборника рассказов, однако они принесли ему всемирную славу классика детективной литературы, а некоторые из них вошли в легендарный список «100 лучших детективов XX века» по версии «Times». С персонажа его романов Джервейса Фена создатели сериала «Доктор Кто» списали своего заглавного героя.

EDMUND
GRISPIN

.....

SWAN SONG

.....

✎ ЭДМУНД ✎
КРИСПИН

.....
ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ
.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Серия «Золотой век английского детектива»

Edmund Crispin
SWAN SONG

Перевод с английского *Л.Г. Мордуховича*
Серийное оформление и компьютерный дизайн
В.Е. Половцева

Печатается с разрешения Rights Limited с/o Peters,
Fraser and Dunlop Ltd и The Van Lear Agency LLC.

Криспин, Эдмунд.

К82 Лебединая песня : [роман] / Эдмунд Криспин ; [пер. с англ. Л. Г. Мордуховича]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-113735-9

Первая послевоенная постановка «Мейстерзингеров» Вагнера. Оперный театр в Оксфорде собрал лучшую труппу. Но незадолго до премьеры Эдвин Шортхаус, исполняющий главную партию, был найден повешенным в собственной примерке. Полиция считает это самоубийством, ведь комната была заперта изнутри. Однако прибывший на место преступления Джервейс Фен уверен — Шортхауса, в ком талант сочетался с невероятно вздорным характером, убили. Но кто это сделал? Молодой дирижер, которого покойный изошренно травил? Первый тенор, за чьей женой Шортхаус безуспешно ухаживал? Или парочка начинающих артистов, явно знающих о случившемся гораздо больше, чем говорят?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Rights Limited, 1947
© Перевод. Л.Г. Мордухович, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-113735-9

Посвящается Годфри Сэмпсону

Дорогой Годфри!

Ты не любитель подобных историй с убийствами, я это знаю. И конечно, не стал бы посвящать тебе эту вещь, если бы не «Мейстерзингеры». Тут уж невозможно было удержаться. Ведь это ты приобщил меня к благородному делу служения музыке еще в то время, когда я прогуливал уроки фортепиано. Тогда-то и началась наша дружба.

История, рассказанная в этой книге, произошла среди людей, занимающихся не просто музыкальным творчеством, а участвующих в постановке одного из шедевров Вагнера. Так прими мое посвящение, и будем надеяться, что это выдающееся создание мастера вернется наконец на сцену Ковент-Гардена. И при этом не возникнут коллизии, описанные на следующих страницах.

*Твой Э. К.
Девон, 1946*

Глава 1

Замечено, оперные певцы большим умом не отличаются. Такое впечатление, что это своего рода расплата за особое устройство гортани, голосовой щели и всего прочего, предназначенного для издания приятных нашему слуху звуков. Провидение по странному капризу награждает певцов разумом, какой можно встретить разве что у домашних птиц. Соответствующим воспитанием этот дефект можно смягчить, но уж никак не исправить. Потому мы и сталкиваемся с чрезмерной обидчивостью и странными причудами. В театрах подобных певцов приходится встречать чаще, чем где бы то ни было. Можно, конечно, вспомнить балетных танцовщиков, они тоже в большинстве своем наивные и недалекие, но все же не настолько. Разумеется, с данным утверждением любой вправе не согласиться, однако позвольте мне остаться при своем мнении.

Элизабет Хардинг, несомненно, тоже была об этом наслышана, а недавно убедилась во-

очию, регулярно посещая репетиции «Кавалера розы». При этом она почти сразу выделила Адама Лангли. Он являл собой приятное исключение, ибо в отличие от большинства коллег был, несомненно, умен, образован и приятен в общении. К тому же красив. Качества в совокупности весьма редкие в этой среде.

И тут случилось нечто невероятное. Элизабет, которая любую ситуацию оценивала трезво и основательно, а благодаря своим способностям, твердости характера добилась в жизни устойчивого положения, вдруг взяла и влюбилась в Адама Лангли. У него, возможно, были недостатки, но она о них и думать не хотела.

В моменты просветления она осознавала, что находится в плену безрассудной страсти, и удивлялась, как это могло случиться. Она, критически мыслящая молодая женщина двадцати шести лет, ухитрилась так низко пасть и скатиться до состояния, которое за неимением подходящего слова всюду называют любовью. Это же так избито и банально, а подобных любовных историй вокруг и не счесть. Со своими симптомами ей бы лучше обратиться к врачу. Но ничто не помогало. Она продолжала думать об Адаме, особенно вечером перед сном, и, к своему ужасу, осознавала, что никакого унижения не испытывает, а наоборот, это

чувство так восхитительно кружит голову, возбуждает, оживляет, радует.

Элизабет теперь уже и не могла вспомнить, как это случилось. Внезапно, без всякого, так сказать, развития. Только что Адам Лангли был для нее да, конечно, милым и приятным, но все равно одним из солистов оперной труппы, — как в следующее мгновение вдруг сделался самым необходимым на свете, а все остальные вокруг отошли в тень и поблекли. Чувства Элизабет были сродни трепету монахини, которую в ее обители посетил архангел. «Влечет меня твой нежный лик...» — вспомнились ей строчки из оды «Прозрения бессмертия» Уильяма Вордсворта.

А что же Адам? А ничего. Он, оказывается, о чувствах Элизабет и не ведал. Адам Лангли, симпатичный, видный, кареглазый, был необыкновенно доверчив, скромен и с женщинами робок. Да, да, представьте себе, именно таким он и был в тридцать пять лет. Ему, ясное дело, многие девушки оказывали знаки внимания, а он в ответ лишь учтиво улыбался, потупив взгляд. Влюбленности, какие у него были, даже и вспоминать не стоит. Все как-то получалось нелепо и неуклюже.

В общем, до сей поры женщины в его жизни играли роль весьма незначительную, и, ви-

димо, по этой причине он не замечал чувств Элизабет. Она для него прежде всего была писательницей, присутствующей на репетициях «Кавалера розы» с целью изучения обстановки, что было нужно для ее нового романа.

Правда, однажды во время перерыва репетиции под фортепиано режиссер Карл Вольцоген в разговоре с ним заметил, поглядывая на Элизабет:

— Какая прелесть. Если бы она могла петь... о, мой друг, лучшего Октавиана трудно было бы вообразить.

Вот тут-то Адам Лангли и начал присматриваться к Элизабет. И что же он увидел? Невысокая, необыкновенно стройная голубоглазая красавица с великолепными темно-русыми волосами. Слегка вздернутый нос и изящно выгнутые брови придавали ей слегка насмешливый вид. Голос Элизабет низкий, живой, с приятной хрипотцой. Помада на губах у нее была наложена с редким умением, и Адам это сразу оценил, поскольку ему казалось, что большинство женщин выполняет эту процедуру скорее всего перед кривым зеркалом или во время приступа пляски святого Витта. Одета она была дорого, но скромно. И это тоже Адаму понравилось.

Что касается характера, то позднее Адам убедился, насколько сдержанна, уравновешен-

на Элизабет Хардинг и при этом нисколько не скучна. В ней также не было и намека на высокомерие, чего он не переносил. Впоследствии Адам решил, что их браку весьма способствовали два уважаемых мэтра — Рихард Штраус и Гуго фон Гофмансталь — композитор и либреттист оперы «Кавалер розы», в которой главные партии они отвели трем сопрано и басу. А тенору Адаму режиссер всучил небольшую неинтересную партию итальянского интригана Вальцакки, а потому значительную часть времени на репетициях он оказывался свободным и имел возможность больше общаться с Элизабет. Впрочем, для него это было всего лишь приятное знакомство. Он по-прежнему оставался слепым к чарам Элизабет и глухим к намекам, выводя ее этим из себя. Некоторое время она пребывала в смятении, не зная, как поступить. Открыто проявлять инициативу было нельзя, в ответ он бы насторожился. Тем более что любые такого рода движения со стороны Элизабет, учитывая ее обычную сдержанность, несомненно, выглядели бы несообразными и фальшивыми.

Шли дни, и до нее наконец дошло: нужен посредник, иначе ситуацию не разрешить. За пределами театра общих знакомых у них не было, а внутри нашелся лишь один человек. Ведь

для этого нужна была женщина, притом зрелая, искушенная, здравомыслящая, имеющая с Адамом приятельские отношения. К этой роли как нельзя лучше подходила Джоан Дэвис, сопрано, исполнявшая в опере партию княгини Верденберг, маршальши.

К ней на квартиру однажды вечером и отправилась Элизабет.

Комната, куда ее проводила пожилая, с тяжелой поступью горничная, порядком не отличалась. Горничная, видимо к этому привычная, объявила о приходе Элизабет и ворча принялась раскладывать вещи по местам, а затем удалилась, что-то бормоча под нос.

Джоан вздохнула:

— Бедная Элси никак не примирится с моей безалаберностью. Садитесь, дорогая, и давайте чего-нибудь выпьем.

— Я вас не отвлекла от дела?

Джоан улыбнулась, показывая на шелковое платье:

— Видите, взялась кое-что подшить, но я прекрасно могу этим заниматься и разговаривая с вами, дорогая. Так что будем пить? Джин или?..

Они поболтали о пустяках, затем Элизабет с непривычным для себя смущением приступила к изложению цели визита:

— Я по поводу Адама... понимаете, я...

Джоан ласково улыбнулась:

— Мне все понятно, дорогая. Вы им... увлечены.

Эта высокая стройная женщина лет тридцати пяти была необыкновенно элегантна и мила. Искушенность в ней весьма удачно сочеталась с озорной веселостью.

— Это так заметно? — растерянно спросила Элизабет.

— Конечно. Всем, кроме Адама. Я даже как-то подумывала, не раскрыть ли ему глаза, но все же решила, что не стоит вмешиваться в чужие дела.

— Вообще-то именно об этом я пришла вас попросить, — проговорила Элизабет, краснея.

— Как забавно, моя дорогая. Не сомневайтесь, я выполню ваше поручение с большим удовольствием. — Джоан замолкла, размышляя. — Адам человек, скажем так, не слишком наблюдательный, но зато в высшей степени добросердечный. Благослови Господь вас обоих. Я завтра же этим и займусь.

И она этим занялась. Отвела Адама в артистическую гостиную и сообщила то, о чем он совершенно не подозревал. Тенор что-то бормотал в ответ неуверенным, слабым голосом.

Джоан послушала и оставила его поразмышлять, а сама вернулась на репетицию.

Удивление Адама вскоре сменилось радостью, и он почувствовал себя совершенно счастливым. Его восприятие мира неожиданно обострилось, как будто сняли пелену и стало явным то, чего он прежде непостижимым образом не замечал. Всего десять минут назад Адам видел в Элизабет всего лишь приятную знакомую, а теперь горел нетерпением сделать ей предложение руки и сердца.

Его вызвали на сцену, где он с огромным удовольствием принял участие в расстройстве планов тупого и грубого барона Окса фон Лерхенау.

Когда же Адам наконец встретился с Элизабет, его вновь одолела робость. Дело дошло до того, что он целую неделю не нашел ничего лучшего, как избегать ее, заставив свою возлюбленную — да, да, теперь уже возлюбленную — предаться печали. Шли дни, и Элизабет начало казаться, что известие о ее чувствах вызвало у него раздражение, а он не находил места, корил себя за нерешительность, не в силах ее преодолеть.

В конце концов Адам заставил себя действовать. Это случилось накануне репетиций в костюмах. Собравшись с силами, как будто ему

предстояло участвовать во взятии вражеского города, а не делать предложение женщине, относительно которой было точно известно, что он ей нравится, Адам отправился для разговора.

Элизабет сидела в зрительном зале со спокойным, независимым видом на красном бархатном сиденье в центре первого ряда подобно бриллианту в драгоценной оправе. Ее окружало великолепие интерьера в стиле рококо. По обе стороны от едва заметной в полумраке королевской ложи в мягком сиянии позолоты расходились лучами ярусы. Вокруг колонн витали нежные херувимы Буше. Свисающая с потолка огромная люстра чуть покачивалась от сквозняка. Хрустальные подвески мерцали отраженным от сцены светом, как светлячки. Адам остановился, ошеломленный открывшейся ему красотой. Окружение вполне соответствовало тому, о чем он собирался ей сказать, но Адам медлил. Затем, посмотрев на часы, оценил происходящее на сцене и, убедившись, что репетиция закончится самое большее через полчаса, пригласил Элизабет на ужин.

В ресторане на Дин-стрит они сели за столик с лампой под красным абажуром в довольно многолюдном зале первого этажа. Их обслуживал весьма словоохотливый официант.

ант-киприот, невысокий, подвижный. Адам заказал очень дорогое красное вино и, сознавая назойливость официанта, отложил объяснение до кофе.

Но и тогда все как-то не клеилось.

— Элизабет, — начал он, — понимаете, я... ну, мне хочется сказать, что...

Она понимающе кивнула:

— И что же вы хотите мне сказать, Адам?

— А то, что я... вас люблю, — выпалил он и, как-будто боясь забыть текст, поспешно продолжил: — И прошу выйти за меня замуж. — Адам на полсекунды замолк, а затем добавил: — Да, замуж. — И посмотрел на нее с неуместным вызовом.

Элизабет улыбнулась: «Ну что взять с этого милого застенчивого идиота. Можно подумать, что он не замуж меня зовет, а вызывает на дуэль».

Заметив приближающегося официанта, она не стала медлить с ответом:

— Адам... ну, во-первых... спасибо. А во-вторых, такие решения принимают не сразу. Мне нужно подумать.

— Желаете ликер? — проговорил материализовавшийся рядом официант. — «Драмбуи», «Куантро», «Крем де Менте», один напиток прекраснее другого.